

ИСТОРИИ

Это не закон Адвокат Иван Павлов объясняет, почему потери военных в мирное время не могут быть гостайной

05:17, 16 июня 2015 · Источник: Meduza

Фото: Фото: Василий Максимов / AFP / Scanpix.

[Ссылка на материал](#)

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

Владимир Путин 28 мая 2015 года засекретил данные о военных, погибших в мирное время в ходе спецопераций — эта информация теперь считается государственной тайной. Спустя пару недель, 15 июня, адвокат Светланы Давыдовой Иван Павлов (он специализируется на делах о госизмене) направил заявление в Верховный суд — он собирается доказать, что президент не может засекречивать такие данные, тем более по собственному желанию. К коллективному иску присоединились многие журналисты и общественные деятели. По просьбе «Медузы» **Иван Павлов** написал о двух аргументах против этого указа, отправленных в Верховный суд.

28 мая 2015 года Владимир Путин подписал указ, относящий к государственной тайне сведения о потерях военных в мирное время в период проведения специальных операций. Связь этого указа с ситуацией на юго-востоке Украины очевидна. Прозрачна и цель, с которой он был подписан — пресечь любые попытки объективного освещения конфликта, которые могут вступить в противоречие с официальной версией.

Журналисты, работающие в зоне конфликта, могут стать жертвами правовой неопределенности указа.

В законодательстве отсутствует определение «спецоперации», да и проводятся они в закрытом режиме — «без объявления войны». Понять, где гостайна, а где информация свободного доступа, становится проблематично; и журналист рискует стать объектом уголовного преследования за нечаянное разглашение гостайны.

Указ этот — уязвим с правовой точки зрения.

Поэтому мы оспариваем его в Верховном суде России.

К коллективному иску присоединились журналисты и общественные деятели Аркадий Бабченко, Владимир Воронов, Светлана Давыдова, Павел Каныгин, Руслан Левиев, Тимур Олевский, Григорий Пасько и Лев Шлосберг.

Стоит отметить, что указ Путина от 28 мая как таковой — это лишь часть проблемы. Он вносит изменения в 10 пункт указа президента Бориса Ельцина, которым 20 лет назад, во время первой чеченской кампании, были засекречены сведения о потерях в военное время. Мы считаем, что это также было сделано незаконно.

До недавнего времени у нас не было острой необходимости оспаривать норму, введенную Ельциным, поскольку военное время ни разу не объявлялось (и, мы надеемся, не будет объявлено и на этот раз). Но указ от 28 мая, добавляющий к секретным сведениям информацию о потерях

в мирное время, стал для нас последней каплей. Поэтому в итоге в Верховный суд мы пойдем с заявлением против 10 пункта «Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне», утвержденного Ельциным в 1995 году и дополненного Путиным в конце мая 2015 года (далее — 10 пункт).

Мы выносим на рассмотрение Верховного суда два аргумента против 10 пункта.

Аргумент первый

И Ельцин, и Путин вышли за рамки своих полномочий, засекречивая потери в военное и мирное время

Согласно Конституции России, право граждан на свободный поиск, получение и распространение информации может быть ограничено только на уровне федерального закона. В статье 5 закона «О государственной тайне» дан перечень сведений, подлежащих засекречиванию. Это, в том числе, некоторая информация из военной области — о содержании стратегических и оперативных планов, документов боевого управления, о планах строительства вооруженных сил, о дислокации войск и прочем. Перечень, содержащийся в статье 5, является

исчерпывающим. Потери личного состава в нем не упомянуты.

При этом закон «О государственной тайне» не наделяет президента полномочиями по расширению перечня сведений, составляющих государственную тайну.

А указ — это не закон, а подзаконный акт, и он не может устанавливать дополнительные ограничения.

Статья 9 закона «О гостайне» указывает, что на основе статьи 5 этого же закона президентом утверждается так называемый «Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне», который определяет органы власти, уполномоченные на засекречивание тех или иных сведений в рамках категорий, указанных в законе.

Президентский перечень определяет компетентные органы, но не может вводить новые категории секретных сведений или как-то расширять ограничения, установленные законом «О государственной тайне».

Аргумент второй

Нельзя относить к гостайне сведения о чрезвычайных происшествиях

Статья 7 закона «О государственной тайне» не позволяет относить к гостайне сведения о чрезвычайных происшествиях, угрожающих безопасности и здоровью граждан, и их последствиях. Военные действия

и проведение спецопераций, последствиями которых становятся человеческие жертвы, с уверенностью можно назвать чрезвычайными происшествиями. Думаем, родственники военнослужащих с нами согласятся.

Оппоненты часто ссылаются на зарубежный опыт — «на Западе тоже все засекречено». Могу привести несколько примеров, показывающих, что это не так.

В США публикуются все данные о потерях во всех войнах и операциях (начиная с 1775 года), включая текущие. Например, можно узнать, сколько человек погибло в операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане. В Великобритании публикацией такой информации занимается Объединенный центр регистрации потерь и выражения соболезнований (Joint Casualty and Compassionate Centre). На сайте министерства обороны страны также публикуется актуальная информация о потерях. В случае, если операция проводилась секретно, раскрывают, как минимум, имя спецназовца — без деталей о подразделении, где он служил. В Израиле нет практики публикации подробных статистических сведений о потерях, однако журналисты всегда могут свободно получить эту информацию в министерстве обороны.

Мы считаем оспаривание 10 пункта указа о засекречивании потерь чрезвычайно важной задачей.

Существование этой нормы дает власти монополию на правду, а это нездоровая и опасная тенденция.

Иван Павлов

Санкт-Петербург